

Два стиля

В российской политике намечается разлом. И это конфликт не между поколениями, а между административным и демократическим стилями.

Скандалная кампания в Мосгордуму указала на целый ряд важных изменений в российской политике, но одно из них выглядит особенно впечатляюще. Когда в начале августа Левада-Центр провел по заказу Фонда развития гражданского общества опрос о реакции москвичей на нерегистрацию кандидатов, протестные выступления и множественные эпизоды насилия в городе, то выяснилось, что респонденты скорее с пониманием относятся к требованиям кандидатов и с раздражением – к действиям полицейских органов. Эти данные важны сами по себе – впервые за долгое время российская политическая администрация проигрывает борьбу за общественное мнение.

Самое интересное в этом опросе – резкий разлом по возрасту, который можно видеть в ответах на все ключевые вопросы. Более молодые группы обнаруживают самый высокий уровень информированности, вовлеченности в текущую московскую политику и сочувствия независимым кандидатам. Причем линия разлома проходит скорее не между наиболее молодой группой и остальными, а между наиболее пожилой и остальными. Старшая и младшая группы отличаются радикально.

Как можно это объяснить? Начиная с 2017 года, когда в акциях против премьер-министра Дмитрия Медведева впервые приняло участие неожиданно большое число тинейджеров, стало модным рассуждать о «конфликте поколений» в России, о появлении первого «непоротого поколения», которое не имеет опыта жестокого государственного насилия в советские годы и готово требовать своих гражданских прав, не впадая в отчаяние. «Отцы и дети» стали все чаще упоминаться как модель для современной российской политики, причем обычно в том смысле, что отцы все равно не в силах понять новое неведомое поколение и потому будут вынуждены вскоре отправиться на свалку истории.

Все эти интерпретации страдают от одного недостатка: они смешивают статистическое с политическим. Само по себе повышение доли молодых среди участников уличных акций – простой статистический артефакт, он ничего не говорит о политическом смысле происходящего. С таким же успехом можно было бы выяснить, что среди протестующих преобладают, например, болельщики «Спартака», и сделать вывод о том, что российская политика окрасилась в цвета футбольных клубов.

В России пока нет «молодежи», которая предъявляла бы себя как политический субъект и противопоставляла «старшим»

В политике имеет значение не социологическое определение групп, а то, каким образом эти группы себя создают и предъявляют. В России пока нет никакой «молодежи», которая предъявляла бы себя как политический субъект и противопоставляла «старшим» (как это было, например, в Западной Европе и Северной Америке в 1968 году, когда предлагалось «не доверять никому старше тридцати»). Достаточно послушать самих участников акций, чтобы убедиться – они выступают с общегражданскими требованиями и в данном случае претендуют на то, что представляют народ, разозленный демонстративной наглостью элиты, потерявшей связь с ним.

Сюрприз 2017 года был связан не с внезапным становлением «нового поколения», но с обнаружением новых каналов коммуникации. Фильм «Он вам не Димон» Фонда борьбы с коррупцией был прорывом в нескольких отношениях: во-первых, он был на редкость хорошо сделан и показывал, что о политике можно говорить захватывающе; во-вторых, он активно продвигался в социальных сетях, где обитают более молодые пользователи. И то, и другое произошло впервые. Сегодня ситуация повторяется: как замечает Кирилл Рогов, в московской ситуации 2019 года возрастные группы отличаются не только реакцией на события вокруг Мосгордумы, но и разными моделями медиапотребления. Как показал всероссийский опрос Левада-Центра уже в конце августа, каналы медиа, которые использует человек для получения информации о московских событиях, сильно влияют на его восприятие этих событий.

Главный намечающийся разлом российской политики – не

конфликт между поколениями, а конфликт между политическими стилями. Политический стиль Кремля вытекает из используемой им на протяжении двух десятков лет стратегии деполитизации страны. Задача администраторов состоит в том, чтобы привить населению безразличие и отвращение к политике, ведь так открывается роскошная возможность контролировать политическое пространство, мобилизуя небольшие зависимые группы (работников бюджетных учреждений, пенсионеров, ветеранов). Это диктует специфический стиль. Во-первых, он жестко иерархичный, вся политика делается сверху, а население является ее пассивным приемником. Во-вторых, он выстроен вокруг фигуры «крепкого хозяйственника» и/или «опытного руководителя» – обычно это тучный мужчина с проседью, в строгом костюме, сурово взирающий на избирателя с предвыборного плаката с видом начальника в хорошем настроении. В-третьих, он исключает любое политическое экспериментирование с альтернативами политического развития: кандидаты могут обещать что угодно, но их общий громогласный тезис звучит как «все будет как всегда, мы ничем не лучше и не хуже остальных».

*Абсолютное
большинство
сегодняшних российских
политтехнологов –
профессиональные
торговцы безнадёгой*

Этот административный стиль транслирует два сообщения: во-первых, от избирателя ничего не зависит, все давно решено за него и никакого способа повлиять на результат у него нет – собственно, его ни о чем и не спрашивают; во-вторых, его целевой аудиторией являются преимущественно пожилые, консервативные группы, не верящие ни в какие политические новации и не имеющие к ним интереса. Нет ничего удивительного, что более молодые и более склонные к креативности группы делают для себя вывод, что если это и есть политика, то они не будут иметь с ней ничего общего. В этом и состоит настоящая цель такой коммуникации: она не пытается превознести кандидата или партию, а всегда играет на понижение и разочарование. Абсолютное большинство сегодняшних российских политтехнологов – профессиональные торговцы безнадёгой.

Самое интересное происходит, когда этому политическому стилю

вдруг появляется хотя бы ограниченная альтернатива. Кампания Алексея Навального на выборах мэра Москвы в 2013-м, его же президентская кампания 2017-2018 годов, муниципальная кампания в Москве-2017, а теперь – коллективная кампания в Мосгордуму-2019 резко отличаются политическим стилем. Этот демократический стиль во всех отношениях противопоставит административному стилю Кремля. Он создает возможности активного вовлечения и креативности (каждый участник может что-то сделать, чтобы повлиять на исход – можно просто наклеить на стену стикер «Навальный», а можно записаться сборщиком подписей и придумать новую технологию сбора). В центре находятся демократичные политики, которые не создают, а разрывают дистанцию власти: они не боятся показаться «недостаточно начальниками» и предпочитают быть «парнями из соседнего двора», которые говорят на обычном языке (причем речь не только о независимых кандидатах, но и о многих кандидатах от КПРФ). Этот стиль переформатирует политику в выбор между реальными альтернативами общественного развития и тем самым реагирует на запрос на разговор о будущем, который давно созрел в российском обществе. Здесь же возникает целый ряд институтов, которые в нынешней российской политике отсутствуют – такие как дебаты или краудфандинг кампании кандидата.

В кампаниях, где находилось место новому демократическому стилю, молодые политики показали свою способность заметно влиять на результат

Вовлечение новых групп граждан в политику, и преимущественно молодых групп, связано прежде всего с созданием нового демократического стиля, с изменением формы политической деятельности. Политика – это может быть интересно, важно и эффективно. В условиях российской деполитизации, когда явка на выборах редко превышает 20-30%, появление этих новых групп способно стремительно изменить ситуацию. В кампаниях, где находилось место демократическому стилю, они показали свою способность заметно влиять на результат. Итоговая явка на выборах в Мосгордуму вновь была невысокой. Однако донести веселую идею протестного «умного голосования» удалось даже до групп, которые раньше были для нового стиля недостижимы. Результатом стало поражение множества политиков «старого стиля» и выход на

авансцену целого ряда молодых депутатов.

Неудивительно, что восприимчивость к демократическому стилю более характерна, во-первых, для более молодых групп, а во-вторых, для столичных жителей. Именно эти категории наиболее космополитичны, и им проще представить себе «другую политику». Но закрепившись, этот стиль имеет все шансы быстро распространиться по стране. Фоном для сегодняшней российской политики является общее ощущение отсутствия образа будущего в действующей системе: если она способна поддерживать стабильность в краткосрочном периоде, то никакого серьезного проекта развития общества она не предлагает. Поэтому те группы, которые сегодня отчуждены от старой и скучной политики, могут легко среагировать на возможность вовлечься в конструирование будущего в политике нового формата.

Для людей, которые впервые приближаются к политическим процессам, действующий российский режим начинает выглядеть странной геронтократией, которая воспроизводит привычки, формы и манеры, которым место на свалке истории. Обычно административный стиль старается игнорировать демократический и не взаимодействовать с ним, но когда столкновение все же происходит, оно быстро производит ощущение символического разрыва. Именно это случилось, например, когда Элла Памфилова стала со снисходительной интонацией поучать Любовь Соболь и ставить ей в упрек «желание вернуться в 1990-е годы». На это Соболь разумно напомнила, что в 1990-е ходила в школу, пока Памфилова делала российскую политику бок о бок с другими представителями нынешних элит.

*Для административного
стиля прямое
столкновение с
демократическим
смертоносно – его
представители не
владеют
инструментами
публичной политики и
потому не имеют
шансов на дебатах и в*

Для управленцев административного
стиля возникает вилка, из которой трудно
найти выход. С одной стороны, для
административного стиля прямое
столкновение с демократическим
смертоносно – его представители не
владеют инструментами публичной
политики и потому не имеют шансов на
дебатах и в открытом разговоре. С другой
стороны, давление демократического
стиля на административный возрастает,
растет и принуждение к прямой
конкуренции. Чтобы избежать
фронтального столкновения,

администраторы прибегают к маргинализации: они объявляют носителей другого стиля некомпетентными и недостойными внимания, а вслед за этим сразу подтягиваются ярлыки «бузотеров» и «революционеров». А то, что «революционерами» приходится объявлять теперь уже любых местных активистов, вовлекающихся в демократическую политику, быстро обесценивает эти оскорбления и свидетельствует об усилении давления. Убедить аудиторию в том, что собирающие подписи кандидаты и защищающие их на улицах граждане – это и есть страшный «майдан», в Москве удастся уже только на уровне старших поколений.

Конфликт между двумя политическими стилями будет нарастать и определять контуры российской политики в ближайшее время. Административный стиль сегодня находится в оборонительной позиции, и уходя от политического столкновения, он будет прибегать к насилию, как это уже случилось в Москве. Но по мере давления с демократической стороны это насилие будет иметь все меньше легитимности. Вопрос состоит в том, есть ли у административного стиля потенциал эволюции: это во многом будет зависеть от тех управленцев среднего возраста, которых сегодня рекрутируют в административные структуры, но которые сохраняют чувствительность и к другому политическому стилю. Контуры альтернативной политики уже видны.

Григорий Юдин
Москва

Григорий Юдин (Greg Yudin) – социолог, философ, профессор
Шанинки (Московская высшая школа социальных и экономических
наук).